

Часть 1

ДНЕВНИК ФЕЛИКСА ЛЕЙНА

20 июня 1937 года

Я собираюсь убить человека. И хотя я не знаю его имени, не знаю, где он живет и как выглядит, я собираюсь найти его и убить...

Ты должен простить мне напыщенное начало, любезный читатель. Не правда ли, похоже на один из моих ранних детективов? Однако этой истории не суждено увидеть свет, и обращение «любезный читатель» не более чем условность.

Я намерен совершить то, что зовется преступлением. Преступник, лишенный сообщника, испытывает потребность излить душу: одиночество, необходимость скрываться, груз содеянного — слишком тяжелое бремя. Рано или поздно он не выдержит, но даже если его воля крепка, злодея выдаст супер-эго — суровый самоуверенный моралист.

Хитростью заставит обмолвиться, неосмотрительно открыть душу перед случайным попутчиком, подбросить против себя улику.

Закон и порядок бессильны против убийцы, лишенного совести. Однако в глубине любой души живет жажда искупления — чувство вины, пятая

колонна. Наш главный враг — зло, которое внутри нас. Не выдадут слова, так подведут поступки. Поэтому убийца тянет на место преступления. Поэтому я пишу дневник. Тебе, моему воображаемому читателю, *hypocrite lecteur, mon semblable, mon frère**, предстоит выслушать мою исповедь. Я ничего от тебя не утаю. Если кто и способен спасти меня от виселицы, то это ты.

Нет ничего проще, чем замышлять преступление, сидя в домике на берегу моря. Джеймс любезно предложил мне пожить здесь после нервного потрясения, которое я испытал. (Нет, любезный читатель, я не умалишенный. Мой разум никогда еще не был так тверд. Он обращен ко злу, но не слаб.)

Мне легко замышлять убийство, любуясь на залитый вечерними лучами Голден-Кэп, на сизые барашки волн и изогнутую линию залива. Ибо все, что я вижу из окна, напоминает мне о Марти. Будь он жив, мы устроили бы там пикник. Он шлепал бы по воде в ярко-красном купальном костюме, которым так гордился. Сегодня Марти исполнилось бы семь; я обещал научить его управлять яликом, когда ему исполнится семь.

Марти был моим сыном. Однажды вечером, полгода назад, он перебежал улицу перед нашим домом — ходил в деревню купить сладостей. Для него все закончилось быстро: слепящий свет фар из-за угла, мгновенный ужас — и вечная тьма. От

* Лицемерный читатель, мое подобие, мой друг (*фр.*).

удара тело отбросило в канаву. Он умер сразу, еще до того, как я поднял его с земли. Конфеты из кулечка рассыпались. Зачем-то я стал их собирать — а что еще мне оставалось, — пока не заметил на одной крови. После этого я ничего не помню, был не в себе: воспаление мозга, нервный срыв... Одним словом, я не хотел жить. Сын был единственным, что у меня осталось, — Тесса умерла родами.

Водитель, сбивший Марти, даже не притормозил. Полиция его не нашла. Судя по тому, с какой силой отбросило тело, он огибал крутой поворот на скорости миль пятьдесят в час. И теперь я должен его разыскать и убить.

Прости, сегодня писать я больше не в состоянии.

21 июня

Я обещал ничего от тебя не скрывать, любезный читатель, и уже нарушил обещание. Впрочем, прежде всего я лукавлю перед собой. Виноват ли я в смерти Марти? Зачем отпустил его в деревню одного?

Господи, я нашел в себе силы это написать! Боль так невыносима, что перо едва не проткнуло бумагу. Теперь, после того, как острие извлекли из гнойной раны, я ощущаю головокружение, но это к лучшему — страдание притупляет память. Вглядимся же в шип, который медленно сводит меня в могилу.

Если бы я не дал Марти тот двухпенсовик, если бы пошел с ним или послал миссис Тиг, он бы не погиб. И сейчас мы плавали бы на ялике, собирали креветок, рвали эти ужасные желтые цветы на склоне, как их там? Марти непременно хотел знать названия всего на свете.

Я хотел, чтобы сын вырос самостоятельным. Когда умерла Тесса, я осознал, что рискую задушить его своей любовью, поэтому приучал к самостоятельности, учил рисковать. Он много раз ходил в деревню один, а пока я работал по утрам, играл с местными мальчишками. Марти всегда переходил улицу по правилам, да и автомобилей у нас в деревне по пальцам пересчитать. Кто знал, что этот негодяй внезапно выскочит из-за угла? Наверняка рисовался перед красоткой на соседнем сиденье или перебрал лишнего. А потом трусливо улизнул, чтобы не отвечать за содеянное.

Тесса, дорогая, неужели я виновен в его смерти? Я не хотел воспитать его неженкой. Ты терпеть не могла, когда тебя опекали, ты была независимой. Нет, разум твердит: мне не в чем себя винить, но детская ручка, сжимающая рваный бумажный кулек, — кроткий призрак, который всегда со мной, — не отпускает. Не обвиняет, однако и не дает покоя. Если я и отомщу, то только за себя.

Интересно, считает ли меня коронер безответственным папашей? В лечебнице мне не показывали никаких официальных бумаг. Знаю только, что

вердикт «непредумышленное убийство» вынесен в отношении неизвестного. Непредумышленное убийство! Убийство невинного ребенка! Если бы его поймали, убийце грозил бы срок, отсидев который он снова благополучно гонял бы как полоумный. Разве что его лишили бы прав пожизненно, но разве от них дождешься. А значит, найти и остановить убийцу придется мне. Того, кто уничтожит его, следует увенчать лаврами (где я читал про такое?) как благодетеля человечества. Нет, хватит себя обманывать, мне нет дела до абстрактной справедливости.

И все же мне интересно, что сказал коронер. Возможно, именно поэтому я все еще здесь, хотя вполне оправился. Я боюсь пересудов. Смотрите, вот идет отец, допустивший смерть единственного сына. Будь они прокляты, все вместе взятые! Что мне до соседей — скоро у них будет о чем позлословить на мой счет.

Послезавтра я возвращаюсь. Я написал миссис Тиг, просил подготовить дом к моему приезду. Худшее позади, лечение завершено. Остаток жизни я намерен посвятить тому единственному делу, которое меня здесь держит.

22 июня

Джеймс заглянул вечером меня проведать. Добрая душа. Он удивился переменам в моем настроении. А все благодаря живительному воздуху приморского коттеджа, отвечал я. Не мог же я при-

знаться, неизбежно вызвав лишние вопросы, что теперь в моей жизни появился смысл. На один из вопросов я сам не знаю, что ответить.

Когда вы решили убить Икс?

Все равно что спросить: когда ты понял, что влюблен? Будущий убийца, в отличие от счастливого любовника, не склонен углубляться в детали. Язык развяжется, когда убийство позади, хотя мой дневник доказывает обратное — порой убийца, будь он проклят, распускает язык еще до того, как убил.

Итак, мой призрачный исповедник, пришло время рассказать о себе: возраст, рост, вес, цвет глаз — короче, стандартный портрет предполагаемого убийцы. Мне тридцать пять, рост средний, глаза карие. На лице — выражение хмурого добродушия, которое делает меня похожим на нахохлившуюся сову (как уверяла Тесса). Волосы до сих пор не поседели. Зовут меня Фрэнк Кернс. Еще пять лет назад я числился служащим Министерства труда («работал» — не совсем подходящее слово). Получив наследство и поддавшись природной склонности к лени, я уволился и купил коттедж в деревне, осуществив нашу с Тессой давнишнюю мечту. «И там она вскоре оставила этот мир» — как сказал бы поэт.

Когда мне надоело копать в саду и ремонтировать лодку, я начал писать детективы — под псевдонимом Феликс Лейн. Детективы оказались недурны и обеспечили мне неожиданно высокий доход. Впрочем, я отказываюсь считать свою писа-

нину серьезной литературой, поэтому мое инкогнито никогда не будет раскрыто. Издателям дано строгое указание на этот счет. Не без труда свыкшись с мыслью, что писателю не по душе шумиха вокруг его имени, они начали находить в этом прелесть. Загадочная личность автора — неплохая реклама. Хотя я никогда не поверю, что моей «стремительно растущей аудитории» (издательский термин) и впрямь есть дело до того, кто скрывается под псевдонимом Феликс Лейн.

Впрочем, ни слова упрека в его адрес. Феликс Лейн мне еще пригодится. Когда соседи спрашивают меня, чем я занимаюсь, я отвечаю, что пишу биографию Вордсворта. Я действительно немало знаю о Вордсворте, но скорее проглочу центнер твердого клея, чем возьмусь за его жизнеописание.

Должен сообщить, что моя криминальная квалификация прискорбно низка. Как Феликс Лейн я немного знаком с судебной медициной, уголовным правом и полицейским протоколом. Я никогда ни в кого не стрелял, а травил только крыс. Мое знакомство с криминологией позволяет утверждать, что избегают заслуженного наказания лишь генералы, врачи и шахтовладельцы. Впрочем, возможно, я недооцениваю любителей.

Что касается характера, о нем судите по моему дневнику. Я привык считать его дурным, хотя, возможно, это лишь самообман души, искушенной в...

Прости мне, любезный читатель, претенциозную болтовню. Человеку, томящемуся во тьме

и одиночестве на дрейфующей льдине, прости-тельно заговариваться. Завтра я возвращаюсь до-мой. Надеюсь, миссис Тиг спрячет игрушки, как я просил.

23 июня

Коттедж выглядит как обычно. С чего бы ему измениться? Или я ждал, что стены набухнут от слез? Дерзкой человеческой природе свойствен-но полагать, что мироздание вместе с нами кор-чится в муках. Разумеется, коттедж не изменился. Вот только жизнь ушла из него навсегда. На углу поставили дорожный знак — как всегда, слишком поздно.

Миссис Тиг выглядит очень расстроенной. Искренне переживает или этот похоронный тон — дань приличиям?.. Перечитал последнее предложе-ние и устыдился. А ведь я ревную Марти ко всем, кто знал и любил его. Господи, неужели я превра-щаюсь в одержимого отца, ослепленного эгоис-тической любовью? Если так, то убивать — самое подходящее для меня занятие.

В комнату вошла миссис Тиг. На красном за-плаканном лице виноватое, но твердое выражение жалобщицы или прихожанки после причастия.

— Я не смогла, сэ, у меня не хватило духу...

К моему ужасу, она разрыдалась.

— Что не смогли?

— Спрятать их.

Бросив на стол ключ, миссис Тиг выбежала из комнаты. Ключ от шкафчика Марти.

Я поднялся наверх и открыл дверцу. Сейчас или никогда. Долгое время я просто смотрел на них, не в силах рассуждать: игрушечный гараж, паровозик «Хорнби», одноглазый плюшевый мишка — его любимцы.

На ум пришли строки Ковентри Пэтмора:

*Все, что могло его утешить в горе:
Узорный камень, найденный у моря,
Шесть раковин, кусок стекла,
Обкатанный волной, коробку фишек,
Подснежник в склянке, пару шишек...**

Миссис Тиг совершенно права. Не стану их прятать. Нельзя позволять ране зарубцеваться. Эти игрушки — лучший памятник Марти, чем надгробие на деревенском кладбище, они не дадут мне спать спокойно, из-за них кое-кому скоро не поздоровится.

24 июня

Утром разговаривал с сержантом Элдером. Девяносто килограммов мышц и костей, как сказал бы Сапер**, и не больше миллиграмма мозгов.

* «Игрушки» (пер. Г. Кружкова).

** Герман Сирил Макнили (1888–1937) — популярный между двумя мировыми войнами автор рассказов о приключениях отставного полковника Драммонда по прозвищу Бульдог, которые писатель публиковал под псевдонимом «Сапер».